Белохвостикова Наталья

Моск. правда. — 1993. — 10 сент. — С. 4

10.09.93

Так счастливо сложилась моя судьба

Наталья Белохвостикова: «Всем женщинам и себе тоже я желаю всегда ощущать тепло стен своего дома, тепло людей, живущих рядом. Чтобы они никогда не оставались одни...».

— Наталья Николаевна! Поговорить с вами хотелось о женской доле, о женской судьбе. Мы, зрители, зная вас по прекрасным фильмам, представляем себе человека удачливого, благополучного. Как вы сами считаете, состоялась ли ваша жизнь?

— Да, безусловно. И личная, и человеческая, и актерская. У меня есть дом, надежный тыл, есть близкие, которые меня любят, ждут, верят в меня — без них не было бы меня ни как человека, ни как актрисы. Я имею в виду мужа, дочь и маму, конечно, благословившую меня на трудный выбор. Еще очень важно, что рядом оказался человек — мой муж — Владимир Наумович Наумов — прекрасный режиссер, сценарист, потрясающий художник. У меня всегда была возможность играть то, что мне интересно, не заботиться о заработке. Не было необходимости мчаться из картины в картину, чтобы получить лишний рубль. Вот так счастливо сложилась моя личная жизнь. Даже если у меня были перерывы в съемках — ждала роль, сценарий — я не выбивалась из колеи творчества. Атмосфера дома давала мне счастье и держала на этом свете, помогала жить, дышать.

— Какие из женских ролей в кино вы считаете наиболее удачными?

— Каждая роль у каждого актера, пожалуй, это кусочек тебя самого, ты вкладываешь в образ свою душу, сердце, минимум год жизни.

— Если имеешь право выбирать... Но не всегда предложат то, что созвучно твоему миропониманию, мироощущению.

— Я все равно бы двигалась к своим ролям, что были духовно близки. Одна из последних картин — «Десять лет без права переписки»—наиболее любима, дала возможность прикоснуться к острохарактерной роли.

— В вашей первой роли — Лена Бармина (в картине «У озера» Герасимова) — вы превзошли себя, знаю, фильм отмечен премией международного кинофестиваля, Государственной премией СССР. Была ли еще подобная удача?

— Картин и после было много. Я очень люблю «Легенду о Тиле» — моя первая роль у Алова и Наумова с удивительным созвездием актеров: Смоктуновский, Леонов, Евстигнеев, Демидова, Ульянов — совершенный звездопад. Я тогда была совсем молоденькой девочкой, и это было замечательно. Прекрасная роль, прекрасное время!

— У вас действительно много прекрасных фильмов, этапных, так сказать: «Тегеран-43», «Берег», «Стакан воды», «Красное и черное». Удалось ли всю себя выразить в тех ролях или что-то «осталось за кадром»?

— Роль отыграешь и ждешь новую — чувство постоянного голода присуще каждому актеру. Берясь за следующую, думаешь: это и есть то самое! Не бывает последней. Каждый раз веришь: вот эта и будет твоей главной ролью. А иначе зачем? Иначе будет не творчество, а ремесленничество. Сейчас учу итальянский, готовлюсь к новой картине. Хотя тысячу раз была в Италии, там масса друзей, язык дается нелегко. Говорить надо хорошо. Картина в запуске — современный сюжет с небольшой ретроспекцией в 50-е годы. Будут сниматься Марчелло Мастроянни, моя дочь.

— Вам «идет» играть женщин высшего света — обаятельных, нежных, женственных, интеллигентных... Трудно забыть Матильду де ла Моль в фильме «Красное и черное», Донну Анну в «Маленьких трагедиях».

— Что-то меня уводит в то время. Физически я не жила тогда, но вот эхо... В другой жизни, если верить, что она была, я уж точно ходила в длинных платьях. Мне так хорошо в них. Надеваю, и вдруг что-то такое происходит! Хрустящие материалы, локоны! Почему вдруг так удобно, так хорошо!

— Удается ли эту мягкость, женственность хотя бы частично сохранить в нашей жесткой жизни?

— Трудно сказать, мы ограничены своим кругом, который не дает опускаться...

— У вас свой мир, оторванный от бытующего сегодня?

— Это не так. Мы здесь живем, дышим. Здесь растут наши дети. Хочешь—не хочешь, все время погружен в эту жизнь. В то время люди жили замкнуто, тихо. Сейчас, когда так распахнут мир, когда через день ты мчишься в разные концы... Я не думаю, что человек должен так тратиться. Бесконечные «тусовки» выхолащивают, меня они печалят. Понимаю: я актриса и должна выходить на люди, но я устаю. Может, это свойство моего характера. Мне кажется, что человек не должен себя растрачивать по мелочам до конца.

— Наша современница все же вынуждена разрываться между домом, работой, детьми, общественными делами...

— Чересчур.

— Вы много времени отдаете работе, съемкам. А еще есть дом, ребенок, муж, а еще есть женщина сама по себе. Удается ли все это сочетать в одном лице?

— Одно без другого не существовало бы. Моя дочка — самая главная моя роль в этой жизни, самое любимое существо. Она силенок набиралась от меня, а я питалась от нее для моих ролей. Человек не может все время отдавать. Кино очень жестоко — все время хочет брать. Если бы у меня не было месяцев, когда я могла вернуться домой, уткнуться в ребенка, прийти в себя... Конечно, нас разводит жизнь: муж снимает что-то свое, я уезжаю куда-то. Но существует какая-то ниточка, мы не распадаемся. А когда женщина бежит на одну работу, муж — на другую и ребенок еще где-то — это очень трудно. У нас есть атмосфера одного дела. Оно нас сводит, а не разводит. Мы стали монолитиком. Даже если какое-то вдруг непонимание, мы едины. Нас невозможно разделить как единый организм. Так счастливо сложилось. Это судьба. Все получилось случайно: я ехала в Югославию на Неделю советских фильмов, режиссер Наумов — мой будущий муж — ехал вместо другого, кто заболел. На аэродроме познакомились...

— Ваш муж — известный режиссер, сценарист. Бытует мнение, что он сделал вас звездой.

— Мы с Володей познакомились за день до того, как я получила Государственную премию СССР. К тому времени я имела уже приз за лучшую женскую роль в Карловых Варах. Муж, конечно, причастен к моей последующей судьбе в кино полностью. Но все-таки вытянул меня на определенную высоту Сергей Герасимов. Если бы не было его, меня бы не было. Вся последующая жизнь, творческая в том числе, конечно, связана с моим мужем, кинорежиссером. Я люблю работать с ним.

— Нет давления, нет диктата? Вы можете оставаться сами собой, ставить свои условия?

— Не могу. С ним тяжело работать, мне ничего не прощается, очень высока мера требовательности. Иногда бывают моменты отчаяния, я говорю: «Больше никогда!». С другими режиссерами намного легче.

— У вас, наверное, не бывает ощущения, что отработали на площадке, дома можно отдохнуть. Работа не прекращается? Прекрасно, когда вокруг единомышленники! Вы сами подтолкнули дочь к такому же выбору — стать актрисой?

— Вначале ей вроде этого не хотелось. Теперь она учится на актерском факультете института, в мастерской Джигарханяна — институте, который окончил ее отец и я. Станет ли это ее профессией, пока трудно сказать. Но девочка имеет четыре года удивительной жизни. Они там смотрят прекрасные фильмы, изучают историю искусств, философию живописи, литературу. Танцуют и поют, слушают музыку, они пытаются что-то понять про душу человеческую вместе с замечательными актерами. У нее есть возможность интересно пожить. Мне нравится, что она познает себя, познает мир искусства. Ей хорошо живется. Сейчас она с удовольствием учит итальянский для роли. Если ей вдруг захочется заниматься чем-то другим, ради Бога.

— Вы много ездили по городам и весям, различным странам. Не было предложения остаться временно или навсегда?

— Я выросла за границей, папа был послом - дипломатом. С 11 месяцев я жила в Англии, затем во Франции, в Швеции. Много снималась здесь. Но остаться жить — невозможно. Десять дней, две недели — максимум, но потом начинаю страшно тосковать. Летишь домой, видишь из самолета свою границу — уже хорошо на душе. А приближается «Шереметьево»— я рыдаю.

— Сейчас многие опасаются, что начнется новая волна миграции специалистов из области культуры, науки.

— Чтобы там жить, там надо родиться. Я думаю, что такой привязанности к своей земле, как у русского человека, нигде нет в мире. В каждой нашей клеточке заложена любовь к своей Родине. Эмигранты многие опускаются, не находят себя, а затем не находят сил вернуться. Наверное, сказка о Золушке возможна, но там люди иначе мыслят. Нет русской широты, открытости. Там тебя выслушают, улыбнутся и отстранятся. К этому я никогда не смогла бы привыкнуть.

— Что-то же все-таки вас не устраивает в нашей жизни? Что именно? Вы хотя и живете в своих фильмах, но находитесь и среди нас. Что не удовлетворяет больше всего?

— Я человек совершенно не политический. Но думаю: разум восторжествует и у нас все встанет на свои места. Россия — великая страна. Не устраивает: никогда так тяжело не жили старики и дети. Это ужасно! Надо все откинуть и помочь тем, за счет кого мы живы сейчас, кто выстоял в войне. Я не понимаю, почему они сейчас находятся в таком тяжелейшем положении. Когда слышу, сколько рождается больных детей и сколько не рождается из-за невозможности их вырастить, меня это очень тревожит.

— А как вам такое явление— бизнес на наших девушках?

— Отвратительное. Но почему девушки не оглянутся на секунду, как сквозь пелену смотрят. Почему такая недальновидность? Незнание? Об этом же кричат все газеты! Их покупают как вещи. Никто же не вяжет их по рукам и ногам, не везет силой. Откуда такая мораль и темнота в конце двадцатого века? Я бы умирала от бедности, но ничто не подвигло бы меня на такого рода деятельность.

— Вам повезло, вы никогда не ощущали материальных недостатков...

— Я не думаю. У меня родители никогда не были богаты. Они были нормальными служащими. Работал один отец. Я не черпала черную икру ложкой, хотя она во всех магазинах была по доступной цене. Не ела каждый день яблоки. Жизнь была очень средней. Я понимала, что должна работать. В 17 лет заработала первые деньги — 120 рублей в месяц, так было достаточно долго. Муж также получал среднюю зарплату. И сейчас у нас заработки не звездные, я не рок-звезда, не пою на стадионах. От чистого сердца говорю: если у тебя есть голова на плечах, руки, ноги — работай.

— Наше кино вытеснено. Почему?

— Часто по телевизору и в кинотеатрах идут самые худшие картины, потому что они дешево стоят. Это воспитывает низменные чувства. Надо бы покупать великие картины, которые рождает мировой кинематограф. Сделайте хоть один кинотеатр и покажите их. Дайте право выбирать. Во всем мире есть специальные кинотеатры, где крутят фильмы ужасов. Но на Елисейских полях в Париже их не увидите, в престижных кинотеатрах идут фильмы великих режиссеров.

Об этом говорят все. Кто-то зарабатывает деньги на плохих картинах. Больно об этом говорить. Снять наш фильм стало невозможным. Нужны западные инвесторы, спонсоры. Картины закрываются. На студии «Мосфильм» не заказан ни один павильон, а была очередь. Это крах кино. Крах нашей нравственности. Откуда нашим девочкам набираться хорошей морали?

— Это отдельная тема. Когда остаетесь одни, чем занимаетесь?

— Люблю быть дома. Люблю, когда мама, дочь, муж, любимица собака собираются все вместе. Люблю гостей. Люблю, когда зима. Тишину. Люблю посидеть, пособображать, послушать себя...

— Мало времени остается, чтобы почитать, вернуться к философским раздумьям классиков?

— Все равно читаю. Каждый человек должен напитываться чем-то, умиротворяться, все ставить на свои места.

— Есть ли у вас наряды для выхода в свет? Или все для работы?

— Есть, но они «привязаны» ко мне профессионально. Я не люблю много мишуры, блесток, когда что-то сильно переливается и искрится. Может, это гены — предпочитаю дорогой, классический стиль, пусть мало, но изысканные вещи. Иногда даю себе слово — сейчас переменю свой стиль. А потом посмотрю, посмотрю и решаю: в следующий раз.

— Ваше пожелание женщинам - москвичкам. Как стать счастливой?

— Очень важно иметь жизненный стимул. Для меня — это семья. Когда вокруг меня собираются близкие, это и есть счастье. Потом карьера, работа, деньги. По-моему, женщина может быть счастлива только объемно. Как из мозаики, складывается ее жизнь. Главный, основной камушек — ее дом, в квартире должно пахнуть домом. Всем женщинам и себе тоже я желаю всегда ощущать тепло стен своего дома, тепло людей, которые в нем живут. Это должно быть незыблемо. Чтобы они никогда не оставались одни.

— Согласна с вами полностью, но у меня и у многих женщин, наверное, не получается главным сделать семью. Мне кажется, и у вас тоже главное все же работа.

— Она заполняет меня всю. Отнять у меня профессию, все равно, что отнять ноги, лишить возможности двигаться. Отнять дом, семью, его ауру — значит, перекрыть кислород. Смерти подобно. Неразделимо все. Желаю всем удачи!

А. ЗИНОВЬЕВА.